

Поэты США

Перевод с английского Ивана Елагина *

МАРИАННА МУР

1887—1972

Лицо

Нет, не ветрена я, не свирепа, не надменна и не язвительна,
не ревнива, не суеверна, и не полностью отвратительна.
Изучаешь, и все изучаешь лица выраженье,
но, с отчаянья и раздраженья,
хоть в тупик не зашла,
а разбила бы все зеркала!

А ведь только к порядку любовь, только пыл с простотою без грима,
при пытливом вниманье в лице — вот и все, что необходимо!
Есть немногие лица — одно или два, — иль одно,
то, что памятью закреплено, —
что должны для души и для взгляда
оставаться отрадой!

* Поэты США. Марианна Мур. Эдуард Филд. Юджин Филд. Эдна Сент-Винсент Миллей. Арчибальд Мак-Лиш. Дениз Леверт. Эдвард Эстлин Каммингс. Стенли Куниц — Стихи (Перевод с английского Ивана Елагина) // *Побережье: Литературно-художественный ежегодник* (Филадельфия, США), № 13. Рубрика «Переводы».

Редакция «Побережья» выражает благодарность Ирине Ивановне Матвеевой, вдове писателя, за любезно предоставленные материалы.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2022.
<http://www.imwerden.de>

Молчание

Отец мой говорил: «Большие люди
всегда приходят в гости ненадолго»,
и потому нет надобности им
показывать лонгфеллову могилу
иль Харварда стеклянные цветы.
Они уверены в себе, как кошка,
добычу уносящая свою
в укромный уголок; а хвост мышинный,
как обувной шнурок, висит из пасти.
Порою одиночество им любо.
Порою, речью восхитясь, они
лишиться могут сами дара речи.
Глубоким чувствам свойственно молчанье.
Нет, не молчанье, сдержанность скорее.
Он не кривил душою, говоря —
«Ко мне домой входите, как в трактир!»
Трактиры не являются жильем.

ЭДУАРД ФИЛД

р. 1924

Эдуард Филд — коренной житель Нью-Йорка, и любовь поэта к родному городу ярко отражается в его стихах. В этом стихотворении Филд возражает тем, кто противопоставляет город природе: Нью-Йорк для поэта тоже «одна из форм природы», как и «парадизы из деревьев и трав». Простотой стиха Филд резко отличается от многоплановости и сложности большинства современных поэтов.

Нью-Йорк

Я живу в прекрасном месте, в городе —
люди приходят в изумление,
когда им говоришь, что ты там живешь.
Люди говорят о наркоманах, нападениях, грязи, шуме,
полностью забывая о самом главном.

Я говорю им, что ад — там, где они живут,
в краю замороженных людей.
Они никогда не думают о людях.

Дом мой, я изумлен тем, что меня окружает,
это тоже одна из форм природы,
как те парадизы из деревьев и трав,

но это человеческий рай,
населенный преимущественно нами, людьми, —
хотя благодарение Богу за собак, кошек, воробьев и тараканов.

Это вертикальное место столь же не случайно,
как Гималаи.
Городу нужны все эти высокие дома,
чтобы вместить туда гигантскую энергию.
Ландшафт гармонически распределяется.
Знаем ли мы об этом или нет, но мы выполняем Божью волю —
где я живу — улицы впадают в реку из солнечных лучей.

Ни в одном месте страны — люди
так не показывают, что они чувствуют:
мы ни в чем не притворяемся.
Посмотрите, как ньюйоркцы
идут по улице. Их походка говорит:
мне все равно. Надо иметь немало нахальства,
чтобы, не стесняясь, жить своей мечтой, своим кошмаром.
Но никому нет дела, никто не смотрит!

ЮДЖИН ФИЛД

1850—1895

* * *

Пёсик игрушечный не у дел.
Замер, пылью одет.
Солдат игрушечный заржавел,
Не нужен ему мушкет.
А было время — солдат был брав,
И песик лоснился весь,
Когда наш мальчик, поцеловав,
Их на ночь оставил здесь.

«Пока не вернусь — смирно лежать
И спать не мешайте мне!»
Сказал и пополз на свою кровать
И видел игрушки во сне.
И ангел его разбудил тогда,
И ушел он ангелу вслед.
Как годы текут! И как долги года!
Но игрушки хранят обет.

О, не бывает друзей верней,
Все стоят по местам своим,
Ждут, что он ручкой их тронет своей
И улыбнется им.
И все думают, думают, годы прождав,
Под стулом, что пылен весь,
Что случилось с тех пор, как поцеловав
Он их на ночь оставил здесь?

ЭДНА СЕНТ-ВИНСЕНТ МИЛЛЕЙ

1892—1950

Эдна Сент-Винсент Миллей родилась в городке Рокленд, в северо-восточном штате Мэн, и получила образование в колледже Вассар — одном из лучших женских высших учебных заведений начала века. Стихи начала писать еще в детском возрасте, и уже в студенческие годы достигла известности и признания как поэтесса в серьезных литературных кругах Нью-Йорка и Бостона. После окончания колледжа, в течение нескольких лет она была актрисой в труппе знаменитого драматического театра Юджина О'Нила «Провинстаун плейерс», для которого написала три пьесы.

Глубоко лирическая по настроению и тематике поэзия Миллей, проникнутая любовью к природе и чувством сострадания к людям, зачастую выражает тонкими поэтическими средствами мотивы печали и разочарования. За редкими исключениями Миллей придерживалась традиционных стихотворных форм, — в особенности сонета, выдающимся мастером которого сделалась впоследствии. Ее первая книга стихов «Ренессанс и другие стихи» вышла в 1917 году. Одна из ее последних поэм «Убийство Лидице» посвящена жертвам злодеяния гитлеровцев, уничтоживших в 1942 году все население чехословацкой деревни Лидице. Последние годы своей жизни она прожила на своей ферме, расположенной в живописной, лесистой местности штата Нью-Йорк, где и умерла в 1950 году.

Весна

С какую целью апрель ты возвращаешься снова?
Мало одной красоты.
Ты больше не можешь утешить меня краснотою листочков,
Что липко пораскрывались.
Что знаю, то знаю.
Солнце жжет мою шею, пока я смотрю
На крокуса стебель.
Пахнет землей хорошо.

Смерти нет, это ясно,
Но что это значит?
Черви точат мозги человека
Не только в земле.
Жизнь сама по себе
Есть ничто,
Порожний сосуд, ряд ступенек, что не покрыты ковровой дорожкой,
Этого мало, что с этих холмов ежегодно
Апрель
Спускается, как идиот, лепеча и цветами кидаясь.

Когда год стареет

Когда приходят зимы
И старятся года,
О как невыносимы
Ей были холода.

И ласточек, бывало,
Следит она полет,
И тяжело вздохнувши
От окон отойдет.

Когда ж ложился ломко
На землю бурый лист,
И слышен в дымоходе
Тоскливый ветра свист,

Так озиралась дико,
Что лучше б не смотреть,
Испуганная птица,
Попавшаяся в сеть!

О прелесть голых веток,
Что сплошь в снегу ночном
Касаются друг друга
И ходят ходуном!

Но шум огня в камине,
Но шубы теплый мех,
Ее душе казались
Прекрасней веток всех.

Когда приходят зимы
И старятся года,
О как невыносимы
Ей были холода.

Recuerdo

Мы были очень усталые, нам было очень приятно —
Мы целую ночь на пароме катались туда и обратно.
Было светло и голо, и пахло, как пахнет в конюшне —
Но мы над столом склонялись, в огонь мы смотрели дружно,
Лежали под лунным светом высоко на косогоре...
А свистки над водой раздавались, и стало светать уже вскоре.

Мы были очень усталые, нам было очень приятно —
Мы целую ночь на пароме катались туда и обратно.
Ты закусывал яблоком, я — грушей желтой и сладкой,
Мы по дороге где-то купили их два десятка.
А небо серело, и ветра ворвалась струя ледяная.
А солнце — ведрко с золотом — всходило, капли роняя.

Мы были очень усталые, нам было очень приятно —
Мы целую ночь на пароме катались туда и обратно.
«Доброе утро, мамаша!» — мы сказали старухе в шали.
Утреннюю газету мы купили, но не читали.
Взяв груши, она всплакнула: «Господь сохрани вас, детки!»
И мы все деньги отдали ей, зажав на метро по монетке.

АРЧИБАЛЬД МАК-ЛИШ

1892—1982

За время своей долгой жизни (он родился в 1892 году) Арчибальд Мак-Лиш не ограничивался одной лишь поэтической деятельностью. Он был профессором Гарвардского университета и колледжа Амхэрст в штате Массачусетс, где возглавлял кафедру, в своё время специально созданную для поэта Роберта Фроста. В конце 1930-х и 1940-х годах он заведовал Библиотекой Конгресса и был помощником Государственного секретаря (министра иностранных дел США). Несколько раз он получал важнейшие американские премии по поэзии, — в 1932 году за поэму «Конквистадор» (о покорении Мексики испанцами), в 1952 году за «Избранные стихи», в 1958 году за пьесу в стихах «Джей Би» — навеянную библейской притчей об Иове Многострадальном. В приводимых ниже стихах Мак-Лиш затрагивает некоторые из своих любимых тем — о поэзии, о личности и обществе, о старении, о любви, о движущих силах истории.

Американское письмо

Вот, вот она — наша страна, вот — наш народ...
Вот она — ни страна, ни раса. Здесь должны мы собрать
Урожай для души, пожиная ветер в траве:
Здесь должны мы есть нашу соль, не то наши кости зачахнут.
Здесь нам жить, если стать не хотим мы теньями.
Это наш род, хоть без роду и племени мы, хотя
Не окружают нас древние стены и голоса.
Вот она — наша страна, древняя наша земля,
Почва сырая, пришлые люди, смешенье кровей,
Ветер, чужие глаза, переменчивость сердца.
Этого мы не оставим, хотя старики нас зовут.
Это — наша страна и земля, наша кровь, наша плоть.

Ars poetica

Без слов будь стих, и ощутим
как плоть,
Как круглый плод.

Совсем
Как старый медальон на ощупь нем.

И молчалив как стертый рукавом
Край подоконника,
уже поросший мхом.

Без слов стих должен обойтись,
Как в небе стая птиц.

*

Как месяц небом движется ночным,
Так стих во времени,
быть должен недвижим.

Как месяц, забредя в древесный мрак,
За веткой ветку отставляет —
так

Стих, оставляя, как листву,
сознанье,
Чредою трогает воспоминанья.

Как месяц небом движется ночным,
Так стих во времени
быть должен недвижим.

*

Стих к правде приурочь —
Но не точь-в-точь.

Вся повесть горя — в строчке уложись:
Пустой порог,
на нем — кленовый лист.

А вот любовь:
Траву склонить и два огня
над морем засветить

Не значить должен стих,
А быть.

Допоздна в постели

Ах, если бы хорошую жену!
Подолгу б в теплой нежиться постели
(ее теплом согретой) как струну
звещающую, жизнь ощущая в теле.
К ее шагам внизу прислушаться порой,
когда она метет сосновый пол метлой.
Вот стукнула окном на солнечный восход,
вот открывает — вот закрыла краны,
вот блюдцем брякнула, вот в чашку кофе льет...

Лежать, вдыхая кофе запах пряный,
не думать ни о чем, а время пусть идет...

То там, то тут ее шаги,
там, где она тебя поцеловала — еще болит твой рот.
Ты помнишь на краю постели блеск ноги,
потом с одеждой началась возня...

Лежишь и слушаешь — она снует как тень,
свой дом для нового приготавливая дня,
и для своей любви готовит новый день...

А ты лежишь,
ты ни о чем не думаешь,
глядишь на небо...

«Неистовый грешный старик»

Любить, когда любовь уж не под стать годам!
Таков удел и мой, и Ейтса, и всех нас.
Но хорохорится стареющий Адам
И непристойный пыл выносит напоказ.

И все же в сумерках, в кустарнике сухом,
Где птица птицу кличет (о услышь
Крик горлинки!) — Есть что-то в крике том,
Чего вовеки ты ничем не утолишь.

Вот завершился день, и время ветру спать,
И ветер ни веткой, ни листвою не шелохнул —
И все ж какая-то грохочет в море страсть,
Грохочет без конца!

(О слушай моря гул!)

Быть старым для любви — и все ж хотеть... Чего?
Еще польстить себе и снова доказать,
Что зверь еще силен, что плоть жива его,
На пульсе стук копыт почувствовать опять?

Иль все-таки есть то, о чем и птичий крик,
И вечный моря гул, и похоть старика?
Все знают, но ничей не выразит язык.
Бывает ли любовь,
Которую никак

Ничем не завершить?

И понимает тот,

Кто страсть знавал, — что страсть вовеки не поймет?
За невозможностью погнавшись, ни на миг
Не забывать о ней — вот твой триумф, старик?

ДЕНИЗ ЛЕВЕРТОВ

р. 1923

Третье измерение

Кто мне поверит,
если скажу я: «Меня

взяли и вскрыли
от скальпа до паха,

а я осталась живой,
брожу, наслаждаюсь

солнцем и щедростью
всею земною». Быть честной

не так уже просто:
честность простая

ни что иное как ложь.
Разве деревья

в листве своей,
ветер упрятав,

не говорят шепотком?
Так измерение третье

прячет себя самое.
Если дорожный рабочий

камни ломает,
то камни есть камни.

Но любовь

ломая, вскрывает меня,

и живу я,

чтоб вымысел мой рассказать,
но не точно:

слова
все изменяют. Так пусть это будет

— под ласковым солнцем —
вымыслом только,

пока я дышу
и поступь меняю мою.

ЭДВАРД ЭСТЛИН КАММИНГС

1894—1962

Эдвард Эстлин Каммингс родился в Кембридже, в штате Массачусетс, и в 1915 году окончил Гарвардский университет со степенью бакалавра искусств. Еще до вступления Америки в Первую мировую войну, отправился в Европу и поступил добровольцем во французскую армию, где служил в санитарном отряде. Был арестован военной полицией по необоснованному подозрению в шпионаже и провел более полугода в военной тюрьме в ожидании суда. Этот эпизод окрасил мировоззрение и убеждения всей последующей жизни Каммингса и был описан им в романе «Огромная камера» — одной из знаменитых антивоенных книг 1920-х годов.

Еще в университетские годы Каммингс увлекся некоторыми авангардистскими течениями в поэзии и в изобразительном искусстве того времени — особенно футуризмом и кубизмом во главе с Пикассо, ставшим до конца дней его кумиром и творческим идеалом. Именно это увлечение, со всеми его бунтарскими атрибутами, по мнению многих серьезных критиков, определило доминирующую линию в его собственном поэтическом творчестве — как в области содержания, так и в области формы, где позднее доходил он до полного отказа от пунктуации, до радикального словотворчества и до ломки традиционной поэтической графики. Но не следует забывать, что наряду с авангардизмом (одним из признанных лидеров которого Каммингс стал в 1930-х годах), сильнейшее влияние на него оказало хемингуэевское «потерянное поколение», настроения и чаяния которого он выразил во многих своих лучших стихах.

Chansons innocentes

Едва
весной когда мир грязно-
приторный маленький
хромой продавец шаров

свищет далеко и звонко

и эдикиджэк
убегают от мячиков
и пиратских забав и это
весна

когда мир чуже-чудесен

странный
старый продавец шаров свищет
далеко и звонко
и бэттидаизабэл прибегают танцую

от игры в классы и скакалки и
это
весна
и

козлоногий

Продавец шаров свищет
далеко
и
звонко

La Guerre

О милая непосредственная
земля как часто
хваткие
 пальцы
похотливых философов щипали
и
втыкались
в тебя
озорной большой палец
науки колол
твою
 красоту как
часто религия брала
тебя на свои тощие колени
сдавливая и
понукая тебя чтобы ты зачала
богов
 (но
верная
несравненному
ложу смерти
ложу твоего ритмичного любовника
ты ничем
не отвечаешь им
 кроме весны)

Impressions

часы поднимаются снимая звезды и
наступает заря
по улице неба идет свет разбрасывая стихи

на земле свеча
потушена город
просыпается
с песней на
губах и смертью в глазах

и наступает рассвет
мир
выходит в путь чтобы убить мечту...

я вижу, как на улице сильные
люди добывают хлеб
и я вижу звериные лица
людей довольных отвратительных безнадежных жестоких счастливых

и настает день

в зеркале я вижу
человека
витающего

в грезах
грезящего
в зеркале

и настают
сумерки на земле

свеча зажжена
и настает тьма.
люди в своих домах
хрупкий человек у себя в постели
город

спит со смертью на губах и с песней в глазах
часы спускаются
выставляя звезды...

по улице неба идет ночь разбрасывая стихи

* * *

представим
Жизнь это старик несущий цветы на голове.

юноша смерть сидит в кафе
улыбаясь, держа монету между
большим и указательным пальцем

(я говорю «купит ли он цветы» тебе
и «Смерть молода
жизнь носит велюровые брюки
жизнь ковыляет, у жизни борода» я

говорю тебе молчаливой. — «Ты видишь
Жизнь? он тут и там
или то или это
или ничто или старик на три трети
заснувший, у него на голове
цветы, все время кричащий
никому что-то насчет
роз васильков

да,

купит ли Он?

Красивые букетики — о слушайте
недорого»)

и моя любовь медленно ответила кажется да. Но
мне кажется я вижу еще кого-то

там еще дама, которую зовут После
она сидит рядом с молодой смертью, она стройна;
любит цветы.

* * *

Весна похожа на быть может руку
(протянутую осторожно
из Ниоткуда) которая распределяет вещи
в окне витрины, куда люди смотрят
(а люди вглядываются,
распределяя и переставляя вещи
поставя осторожно там
диковинную вещь а тут
обыкновенную) и все

перемещая осторожно

весна похожа на быть может Руку
в окне витрины
(осторожно взад и вперед
передвигающую Новые и Старые предметы,
а люди вглядываются осторожно
перемещая может быть мельчайшую
частицу цветка тут а там
кладя дюйм воздуха) и

ничего не поломав.

* * *

маленькое деревцо
маленькая молчаливая рождественская елка
ты так мала
ты больше похожа на цветок

кто нашел тебя в зеленом лесу
и было ли тебе очень тяжело уйти оттуда?
постой я утешу тебя
потому что ты так сладко пахнешь

я поцелую твою холодную кору
и обниму тебя крепко и надежно
как обняла бы тебя мать,
только не бойся

посмотри золотой дождь
который спит целый год в темном ящике
мечтая о том что его вынут и разрешат ему сиять,
шары красные цепи и золотые перистые нити,

протяни свои маленькие руки
и я все это дам тебе держать
каждый палец получит свое кольцо
и не будет ни одного места темного или грустного

потом когда ты будешь совсем одета
ты будешь стоять в окне чтобы тебя видели все
и как они будут глазеть!
о как ты будешь горда

и моя маленькая сестра и я возьмемся за руки
и подняв глаза на наше прекрасное деревцо
мы будем петь и танцевать
«Ноэль Ноэль»

* * *

Пикассо

ты дал нам

выпуклые

Вещи: хрипящие легкие накаченные до отказа острым густым сознанием

ты даришь нам пронзительные

дары всегда

облеченные в великолепный визг

простоты

(из

черного незакупоренного

Нечто смутно течет скрип планов

или

посреди визгов

Ничего схваченного круговой пронзительной сжатостью

шепчут плотные вопли.)

Лесоруб Отчетливого

топор твоего

мозга срубает только огромные присущие

Эго Деревья, и из их

живых и наибольших

тел отрубив

всю

красивость

ты воистину вырубашь форму

* * *

Если прежде всего чувство
тот кто хоть немного следит
за порядком вещей
никогда не поцелует тебя в полную меру;

быть глупцом в полную меру
пока в мире Весна
кровь моя одобряет
а поцелуи лучшая участь
чем мудрость
клянусь вам леди всеми цветами. Не плачь
— лучший порыв моего мозга меньше
дрожи твоих ресниц, говорящей

что мы друг для друга: так
засмейся, откинувшись в моих объятьях
жизнь не абзац
и смерть мне думается не скобка

СТЕНЛИ КУНИЦ

р. 1905

Подсчёт

Хвастливо начертал я на моей стене:
Любви, Имущества и Платы сторонись!
Всё ж в годы юности они достались мне
Почти что за гроши — ценою ста страниц!

И вот я в зрелости без приводных ремней,
Разбиты и потеряны трофеи.
Я лозунг мой опять пишу на стыке дней:
Изменчивость — Пускай, любой ценой, черт с нею!